

СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МАЛЫХ ГОРОДОВ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

П.С. Лебедев¹, И.П. Смирнов², А.А. Смирнова³, А.А. Ткаченко⁴

^{1–4} *Тверской государственный университет, факультет географии и геоэкологии, кафедра социально-экономической географии и территориального планирования*

¹ *Аспирант, e-mail: lebedev.ps@tversu.ru*

² *Доц., канд. геогр. наук; e-mail: smirnov.ip@tversu.ru*

³ *Доц., канд. геогр. наук; e-mail: fomkina.aa@tversu.ru*

⁴ *Проф., д-р геогр. наук; e-mail: tkachenko.aa@tversu.ru*

Работа посвящена изучению пространства малых городов. Несмотря на возросшую популярность тематики малых городов, отечественные авторы обращают мало внимания на пространственные изменения внутри населенных пунктов этой категории. Особую актуальность работе придает попытка уловить постсоветскую трансформацию городского пространства. Социально-географическое пространство (СГП) представляет собой особый срез реального трехмерного географического пространства и состоит из территории города, объектов городской среды и системы социально-пространственных связей населения, реализуемых в этой среде. Рассмотрено СГП нескольких городов Тверской области. Из-за отсутствия многих необходимых данных авторы ориентировались главным образом на материалы собственных полевых исследований и мнение горожан. Анализ проведен на трех уровнях: структурном, деятельностном и ментальном. На структурном уровне основное внимание уделено взаимному размещению мест проживания населения, мест работы и мест получения услуг. На деятельностном уровне рассмотрены внутригородские потоки. Установлено, что для малых городов характерна более заметная, чем в крупных городах, рассогласованность мест концентрации жизнедеятельности (жилых зон, промышленных площадок, общественных центров). Особенно сильно это проявляется в исторических городах. На ментальном уровне изучались представления местных жителей о разделении территории города на районы, суждения о свойствах этих районов, проявления локальной идентичности. Выявлены произошедшие в постсоветский период изменения. В заключительной части статьи предпринята попытка совместного использования концепций социально-географического пространства и «трех мест», что позволило определить ключевые черты территориальной организации современного малого российского города.

Ключевые слова: городское пространство, социальная инфраструктура, общественные пространства, «третье место»

ВВЕДЕНИЕ

Концептуальные рамки исследования. Вызовы, стоящие перед малыми городами, общеизвестны: депопуляция и миграционный отток, экономическое сжатие и недостаточность местных бюджетов. Все это накладывает свой отпечаток на городское пространство. И если описанные проблемы в целом находят отражение в научной литературе, то их пространственный аспект остается почти не освещенным.

Городская среда включает большой комплекс различных компонентов – начиная с состояния инженерных коммуникаций и заканчивая сплоченностью городских сообществ. Слабая информационная обеспеченность малых городов ограничивает возможности их детального изучения, поэтому, как и другие работы о малых городах [Гельфонд и др., 2018; Гуныко и др., 2019], настоящее исследование носит характер case study.

Данное исследование базируется на понятии социально-географического пространства [Ткаченко,

2002]. Это понятие находится на стыке географических, социологических и градостроительных представлений и может служить теоретической базой исследования пространственных аспектов городской жизни и прикладных работ, нацеленных на оптимизацию пространственной организации жизнедеятельности горожан.

Социально-географическое пространство (СГП) – это особый срез реального трехмерного географического пространства (пространства земной поверхности). Его не следует отождествлять с социальным пространством, изучаемым социологией. Социальное пространство представляет собой один из вариантов воображаемого многомерного пространства признаков, оно образовано социальными статусами отдельных людей или групп. В то же время социально-географическое и социальное пространства связаны между собой, поскольку положение в социальном пространстве находит отражение и в расселении, и в пространственном поведении

представителей различных социальных групп. Тематика социально-географического пространства в какой-то степени близка к концепции социально-территориальной структуры, разрабатывавшейся школой Т.И. Заславской [Социальная траектория..., 1999; Мосиенко, 2010].

Социально-географическое пространство города образовано территорией города, объектами городской среды и системой реализуемых в этой среде социально-пространственных связей. Территория города – это часть земной поверхности в пределах города со своими границами и внутренними рубежами (элементами гидрографии и рельефа, линиями внешнего транспорта). Население города представляется как территориальная общность, использующая (осваивающая) в своей повседневной жизни территорию города [Ткаченко, 2002].

Возможны различные уровни рассмотрения городского пространства:

- топо-планировочный (гидрография, рельеф, элементы планировочной структуры);
- расселенческий (пространственное распределение населения);
- инфраструктурный (транспорт и объекты сферы услуг);
- деятельностьный (пространственные связи, места временной концентрации жителей);
- ментальный (знания и представления людей).

Три первых могут быть объединены и представлены под общим названием как структурный уровень. Каждый из этих уровней формирует свой тематический блок. Первый блок (структурный уровень) позволяет получить «портрет» города. Для этого необходимо изучить территориальную структуру города, включая опорный каркас; локализацию объектов – организаторов пространства; административное и планировочное устройство, функциональное зонирование; динамику численности, размещение и плотность населения; соотношение юридического и фактического населения; территориальные различия в половозрастном, семейном, образовательном и профессиональном составе населения, в уровне и образе жизни.

Второй блок (деятельностный уровень) касается пространственной жизни горожан. Изучению подлежат следующие вопросы: соотношение «дневного» и «ночного» населения; маятниковая миграция между городом и его пригородной зоной; соотношение административной и фактической (по характеру застройки и плотности населения) границ города; ежедневные внутригородские потоки; пространственные особенности трудовых, деловых, культурно-бытовых перемещений; места притяжения и зоны тяготения; роль общегородского центра и проблема его делимитации;

субцентры; внутригородские переселения; индивидуальные пространства жителей; типы пространственного поведения; проявления пространственной консолидации.

Третий блок (ментальный уровень) имеет дело с восприятием городского пространства жителями города и включает следующие вопросы: градостроительные предпочтения горожан; удовлетворенность условиями жизни; оценка жителями городской среды; образ города и его отдельных частей; представления о взаимной удаленности мест; стремление к смене места проживания в пределах города у жителей разных его частей; мнение горожан об основных проблемах разных частей города; саморайонирование (обыденное, т. е. вернакулярное районирование).

Обзор ранее выполненных исследований. Городское пространство как объект исследовательского интереса сложно и многогранно. В урбанистической традиции давно сложилось разнообразие отраслевых (например, связанных с недвижимостью, инфраструктурой) и комплексных (например, посвященных дифференциации городского пространства) исследований.

Началом изучения городского пространства, видимо, следует считать программную статью основателя Чикагской социологической школы Р. Парка [Park, 1915], ставшую теперь доступной и на русском языке [Парк, 2011]. Автором были обозначены основные темы для изучения городской среды. Среди них соотношение планировочной структуры города и размещения населения, формирование соседских сообществ, проблемы пространственной сегрегации в городе, роста городской мобильности и др.

Акцент на планировочных аспектах городского пространства поставлен в монографии R. Krier [1979]. Эта работа, многократно цитируемая в более поздних исследованиях, дает представление об архитектурном взгляде на городское пространство. Оно, согласно такому подходу, понимается как все разнообразие мест в городе, ключевыми из которых выступают площади и улицы. И хотя основное внимание уделено морфологии этих элементов, отмечена их значимость для формирования моделей поведения людей («социальных ритуалов»).

Социально-географическое пространство имеет множество составляющих, и обозреть каждый из приведенных выше аспектов СГП в одной статье вряд ли возможно. Если попробовать найти единое направление, в рамки которого впишется изучение городского пространства, то таковым, на наш взгляд, может служить концепция постсоциалистического развития города, подробно освещенная в крупных коллективных работах [Urban mosaic..., 2006; The Post-Socialist City..., 2007; Hirt, Stanilov, 2009].

В открывающей сборник [The Post-socialist City..., 2007] статье приведен обширный перечень особенностей, характеризующих пространство города в постсоциалистический период. Все процессы разделены на три группы, отражающие разные сферы города, – управление, городская структура, городское воздействие. Изменения в городском пространстве, связанные с переходом от одного социально-экономического уклада к другому, находят отражение в каждой из этих сфер. В частности, к наиболее ярким чертам современного городского управления можно отнести возросшую роль участия жителей и некоммерческих организаций в жизни города.

Ключевые черты городской структуры, трактуемой как генерализованное сочетание явлений в географическом пространстве города [Carone, Nichols, 1976], зависят от функционального наполнения территории. Например, в однородных жилых массивах наблюдается диверсификация функций за счет появления разнообразных объектов сферы услуг, старые промышленные зоны могут полностью забрасываться или восстанавливаться с другим назначением (редевелопмент), в центрах городов происходит замещение функций (вместо селитебной – сервисная).

Изменения в городском воздействии проявляются по-разному. Влияние нового рыночного уклада находит отражение, с одной стороны, в увеличении личностного выбора (вариантов жилья, мест приложения труда, покупок, возможностей для отдыха), с другой – в сокращении объемов услуг, обеспечиваемых государством, а также в росте социальной стратификации в городах. В статье S. Tsenkova из упомянутого сборника [Urban Mosaic..., 2006, с. 47] в качестве основных пространственных изменений названы социальная поляризация районов и рынков недвижимости, рост устаревших производственных мощностей, увеличение площадей для малого и среднего бизнеса, распространение пригороды ритейла и офисов. По мнению K. Stanilov [The Post-socialist City..., 2007], эти особенности характерны для столиц Центральной и Восточной Европы. Сюда же можно отнести и российские столицы, которые часто рассматриваются и в отечественной, и в зарубежной научной литературе [Махрова, Голубчиков, 2012; Bertaud, Renaud, 1997; Golubchikov et al., 2015]. Москва при этом является явным лидером по степени привлечения исследовательского интереса – здесь играют роль и инновационность ее развития, и острота некоторых проблем, и обеспеченность данными. Можно выделить работы О.И. Вендиной, на протяжении многих лет рассматривающей разные аспекты дифференциации городского пространства столицы [Вендина, 2004; Вендина и др., 2019]. Го-

родскому пространству Санкт-Петербурга посвящены работы К.Э. Аксенова с соавторами [Аксенов и др., 2006; Аксенов и др., 2019].

Интерес к столичным городам связан с тем, что именно столицы задают тренды, которым следуют другие поселения, включая города нижних уровней иерархии. При этом трудно однозначно ответить на вопрос, насколько в малых городах вероятны те или иные проявления постсоциалистических трансформаций. Если появление частной собственности и рост предпринимательской активности – это универсальные процессы, характерные для перехода от одной модели общественного устройства к другой, то, например, редевелопмент заброшенных территорий – далеко не массовый путь развития малых городов.

Остановимся подробнее на сфере, которая в наибольшей степени отражает социальный компонент городского пространства, – социальной инфраструктуре (СИ). В отечественной науке сложилась традиция рассмотрения СИ преимущественно сквозь призму обеспеченности населения услугами. В 1960–1970-х гг. в географии сформировалось особое направление, связанное с изучением территориальной организации сферы обслуживания, или социальной инфраструктуры [Ткаченко, Фомкина, 2016]. Одна из немногих работ, посвященных отдельным малым и средним городам, была выполнена по Торжку [Смирнов, 2013]. Близок к географическому архитектурно-градостроительный подход, когда анализируются функционально-планировочные особенности среды, включая пространственное соотношение жилых и общественных территорий [Перькова, Борзых, 2015]. В социологии упор делается на оценку удовлетворенности качеством СИ [Кривова, 2013; Медведева, Слемзина, 2020], в экономических науках – на связи уровня развития СИ с экономическими характеристиками городов или территорий [Логачева, 2013].

В зарубежной науке в последние годы стало популярным рассмотрение социальной инфраструктуры в контексте социального взаимодействия людей и формирования принадлежности к сообществу [Klinenberg, 2018]. Обширный обзор работ и взглядов на изучение СИ, приведенный в работе A. Latham, J. Layton [2019], демонстрирует разнообразие исследований, посвященных тем или иным местам (библиотекам и музеям, школам и паркам, рынкам и магазинам, спортивным залам и театрам, автобусным остановкам и железнодорожным станциям), участвующим в формировании общественной активности.

Отметим еще раз, что и в зарубежной, и в отечественной науке работы, посвященные СИ малых городов, крайне редки. Определенное игнорирование

малых городов по разным исследовательским вопросам было отмечено еще в 2009 г. в статье D. Bell, M. Jayne [2009]. Для этого есть объективные причины. Очевидно, в больших городах во много раз больше разнообразие мест для социального взаимодействия. Вероятно, играет свою роль и лучшая информационная обеспеченность крупных городов, включающая возможность получения и обработки больших объемов данных [Lan et al., 2020].

В контексте малгородской тематики можно упомянуть исследование B. Engel [The Post-socialist City..., 2007], посвященное общественным пространствам новых индустриальных советских городов, включая кейс Саянска. В частности, отмечается проблема недоиспользования городских территорий и, как следствие, их нынешнее неблагоустройство.

Среди российских работ стоит отметить статью М.С. Гунько, Г.А. Пивовар, К.В. Аверкиевой [2019], где приведены примеры ревитализации городской среды трех малых городов – Выксы, Боровичей и Ростова – с выделением роли различных городских акторов в этом процессе. Изученные кейсы позволили авторам сделать важный вывод о большом влиянии бизнеса (крупного, среднего и малого) на обновление городских пространств. В коллективной монографии, выпущенной Институтом социологии РАН [Пространственное развитие..., 2020], в названии присутствует пространственный аспект развития малых городов, но в содержании упор сделан на социальные аспекты их функционирования и на роль в пространстве страны и отдельных регионов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании речь пойдет о малых городах нестоличных регионов Центральной России, а именно – малых городах Тверской области, которые имеют как свою региональную специфику, так и иллюстрируют общие тенденции, характерные для многих малых российских городов. Работа базируется на дистанционных данных, открытых картографических и информационных ресурсах (OpenStreetMap, Яндекс.Карты и др.) и материалах полевых исследований, проведенных авторским коллективом в городах Тверской области. При отсутствии необходимых данных логично исходить из соображений простоты расчетов и минимальной зависимости от какой-либо статистической информации.

Исследование городов включало несколько направлений работы, каждое – со своими методами. Погружение в городской контекст происходило путем интервью с краеведами и работы с тематической литературой. Пространственный анализ городской

среды проводился с помощью специальных сервисов и программных продуктов ArcGIS. Визуальный осмотр территории позволил уточнить состояние жилой застройки и размещение объектов услуг. Представление об актуальной городской повестке с привязкой к проблемам пространства получено путем экспертных интервью с представителями власти, бизнеса, местных сообществ, а также в ходе анализа местных СМИ, включая неформальные интернет-площадки в социальных сетях. Наряду с общими для всех городов и уровней СГП методами использовались также специфические приемы, исходя из конкретных задач. Так, представление о вернакулярных районах получено в ходе массового опроса жителей, сведения об интенсивности потоков и перемещений жителей – в результате анализа данных сервиса Strava.

В качестве основных кейсов, иллюстрирующих главные результаты работы, выбраны четыре разных по численности населения города – Кашин, Бежецк, Торжок, Конаково. В тексте можно встретить упоминания и других тверских городов, которые иллюстрируют полученные выводы, но, в силу ограничений объема одной статьи, было решено вывести их за рамки подробного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Ниже на примере названных малых городов Тверской области будут рассмотрены отдельные компоненты СГП.

1. Структурный уровень

Места проживания. В малых российских городах слабо представлено новое многоквартирное коммерческое строительство. Это связано главным образом с низким спросом, поскольку большая часть населения предпочитает индивидуальные дома с приусадебными участками. Вследствие этого не проявляют большого интереса и застройщики. Определенную роль играет износ инженерно-коммунальной инфраструктуры [Савина, 2014]. Исследователи [Маркин и др., 2019] отмечают интересную закономерность развития: показатели ввода жилья в малых городах снижаются, а обеспеченность населения жилплощадью растет за счет сокращения численности населения.

Новые многоквартирные дома в малых городах – это в основном социальное жилье, предназначенное для переселенцев из ветхих и аварийных домов или для отдельных категорий горожан (чаще всего, военнослужащих). Исключениями в Тверской области являются города с ярко выраженной рекреационной функцией – Калязин и Конаково, расположенные на Волге и поэтому привлекательные для жителей московской агломерации. В большинстве малых го-

родов ввод жилья происходит за счет индивидуального жилищного строительства, реализуемого преимущественно на городских окраинах.

Основные места концентрации жителей в малых городах приурочены к позднесоветским (1970–1980-е) жилым кварталам (рис. 1). Вслед за столицей и крупными городами [Горлов, 2005], в малых городах появились кварталы средне- и многоэтажной (до 9 этажей) застройки. В Бежецке – это так называемый «Микрорайон» в восточной части города с единственной девятиэтажкой в городе, застраивавшийся в 1970–1980-е гг. и снабженный всей необходимой инфраструктурой. Торжок как больший по численности населения город имеет несколько таких ареалов, самые крупные из которых располагаются вдоль главных транспортных артерий города (Ленинградского и Калининского шоссе). Районы одно- и двухэтажной застройки обычно соседствуют с массивами многоквартирных домов средней и большой этажности.

Таким образом, можно назвать три ключевые черты размещения населения малых городов: кон-

центрация жителей в районах позднесоветской многоквартирной застройки, отсутствие нового коммерческого многоквартирного строительства; периферийное разрастание за счет улучшенного индивидуального строительства.

Места работы и места получения услуг. Современное размещение промышленных предприятий в малом городе повторяет структуру, сложившуюся в советское время. Новые производственные объекты появляются редко и обычно приурочены к уже существующим площадкам. Гораздо чаще можно наблюдать забрасывание и/или перепрофилирование таких площадок. Так, в Бежецке новое комбикормовое производство «Коралл» создано в непосредственной близости от других предприятий (льнозавода, заводов «Бежецксельмаш» и ЖБК) на месте, где раньше размещалась компания, специализирующаяся на торговле сельхозтехникой, зерном, комбикормами. В Торжке первая очередь завода «СТОД» (деревообработка) возникла на бывших производственных площадях «Пожтехники».

Рис. 1. Жилая застройка г. Бежецка:

А – основные типы жилой застройки; Б – число проживающих в одном доме

Fig. 1. Residential buildings in the town of Bezhtsk:

A – main types of residential buildings; Б – number of people living in the same house

Смена функции места – с производственной на сервисную – происходит в тех случаях, когда предприятия располагались в центре города, где земля пред-

ставляет большую ценность. Например, в Бежецке на месте бывшей типографии расположился современный отель, в Торопце здание швейной фабрики, зани-

мавшее видовое место на берегу озера, превратилось в торговый центр. В то же время нередки случаи сохранения в исторических центрах городов промышленных производств, которые или полностью нарушают ансамбль городской застройки (Кашинский завод электроаппаратуры), или располагаются в ценных с исторической точки зрения местах (швейное производство в Торжке на территории недействующего Воскресенского женского монастыря).

Одна из основных черт развития малых исторических городов – «депопуляция» центра, обусловленная ветхостью застройки. Как следствие, жилая функция уходит из центра, сменяясь сервисной. Именно в центрах малых городов концентрируется большинство объектов рыночных услуг. Этот процесс связан не только с наличием свободных коммерческих площадей, но и с повсеместным процессом сжатия, происходящим во многих сферах жизнеобеспечения. Концентрация рыночных услуг происходит не только в ядре – городском центре, но и вдоль наиболее важных магистралей, по которым пролегают немногочисленные маршруты общественного транспорта. Сказанное свидетельствует о кластеризации – образовании скопления объектов сервиса в определенных местах (рис. 2).

Размещение объектов бюджетных услуг в малых городах преимущественно сохранилось с советского периода, однако возникший в конце 1990-х – начале 2000-х гг. тренд на «оптимизацию» привел к закрытию некоторых социальных объектов. Свёртывание сети учреждений наблюдается в основном в сферах дошкольного и дополнительного образования. Так, в Бежецке за последние 30 лет закрылись девять детских садов, пять из которых находились на периферии города, ликвидированы одна школа, несколько филиалов СУЗов и вечерних школ.

Общественные пространства. Понятие об общественном пространстве как месте социального взаимодействия жителей вошло в российский научный обиход относительно недавно. В советском городском планировании такого понятия не было, так как открытые городские пространства не делились на общественные и частные [The Post-socialist City..., 2007]. Для их обозначения отечественные проектировщики использовали другие термины: система общественных центров, система зеленых насаждений и др. Помимо различий в терминологии, само размещение этих мест в западных («капиталистических») и восточных («социалистических») городах было неодинаковым [The Post-socialist City..., 2007]. Исследователи отмечают главное различие этих систем – обилие общественных мест и их рассредоточенный характер в социалистическом городе, как следствие – более низкая интенсивность использования по сравнению с капиталистическим городом.

Размещение зеленых насаждений в малых городах характеризуется рядом особенностей: рассредоточенностью, неравномерностью, низкой плотностью, отсутствием связанности между разными территориями. Например, в Бежецке часть города со стороны Твери (так называемый район «Штаб») практически полностью лишена общественных пространств.

К общественным пространствам относятся и дворовые (придомовые) территории. В последние десятилетия они утрачивают свою коммуникационную функцию: дворы из мест взаимодействия соседей превращаются в хаотичные парковки. Потеря открытых пространств происходит не только в ментальном плане (как в случае с дворами), но и в физическом – смена уклада и закрытие советских предприятий привели к тому, что многие общественные пространства оказались выведены из общественного пользования, одна часть – за счет приватизации, другая – в силу забрасывания и отсутствия внешнего контроля. Например, спортивная площадка «Химик» в Торжке, ранее принадлежавшая заводу полиграфических красок, пришла в упадок. А территория городского вала (Новоторжского кремля), ранее доступная и открытая, была передана музею, обнесена забором и за ее посещение стала взиматься плата. Эти процессы болезненно воспринимаются горожанами. Приватизация общественных пространств особенно ярко наблюдается в прибрежной зоне Калязина и Конакова, где частные постройки, вопреки законодательству, спускаются почти до уреза воды.

Структурный уровень СГП считается преимущественно с помощью картографических ресурсов. Рассмотренные его компоненты – жилая застройка, промышленные зоны, социальная инфраструктура и общественные пространства – составляют основу, паттерн городского взаимодействия. Сложившаяся в городе структура этих элементов определяет места наибольшей городской активности, маршруты перемещений горожан и другие проявления городской жизнедеятельности в пространстве.

2. Деятельностный уровень

Своеобразные поля жизнедеятельности, формирующиеся в городе на основе пространственной структуры мест проживания, приложения труда и социального взаимодействия, являются объектами рассмотрения СГП на деятельностном уровне.

С целью большей наглядности на серии карт, составленных для малых городов (рис. 3), показаны «пятна» максимальной концентрации – населения, услуг, промышленных предприятий. Разумеется, не во всех малых городах последние выступают главными работодателями. Они выбраны с целью сделать сопоставимыми результаты, полученные по разным городам.

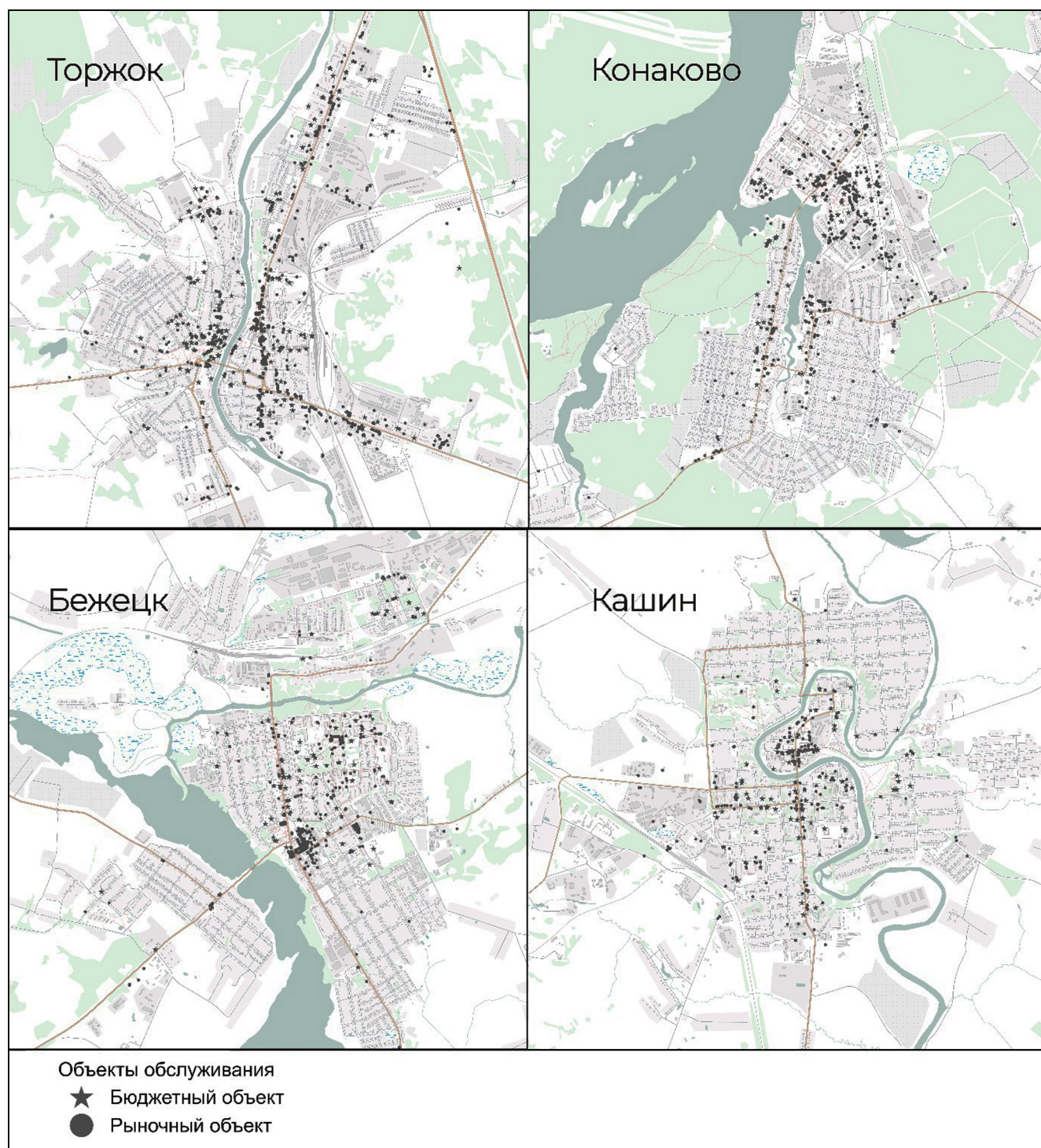

Рис. 2. Размещение объектов бюджетных и рыночных услуг

Fig. 2. Location of objects of budget and market services

Для описания СГП исследуемых городов наилучшим образом подходит термин «рассогласованность». Мы имеем в виду обособление, разобщенность основных мест концентрации: население в основном концентрируется в местах средне- и многоэтажной советской застройки, услуги – в центральной части города, а промышленные предприятия – на окраинах. С позиций деятельностного под-

хода можно говорить, что в разные часы население концентрируется в разных частях города. В более крупных городах, в связи с их большей сервисной ориентацией, все чаще наблюдается взаимоналожение этих мест. Обособленное расположение основных организаторов (мейкеров) пространства определяет направления внутригородских связей и особую территориальную структуру малого города.

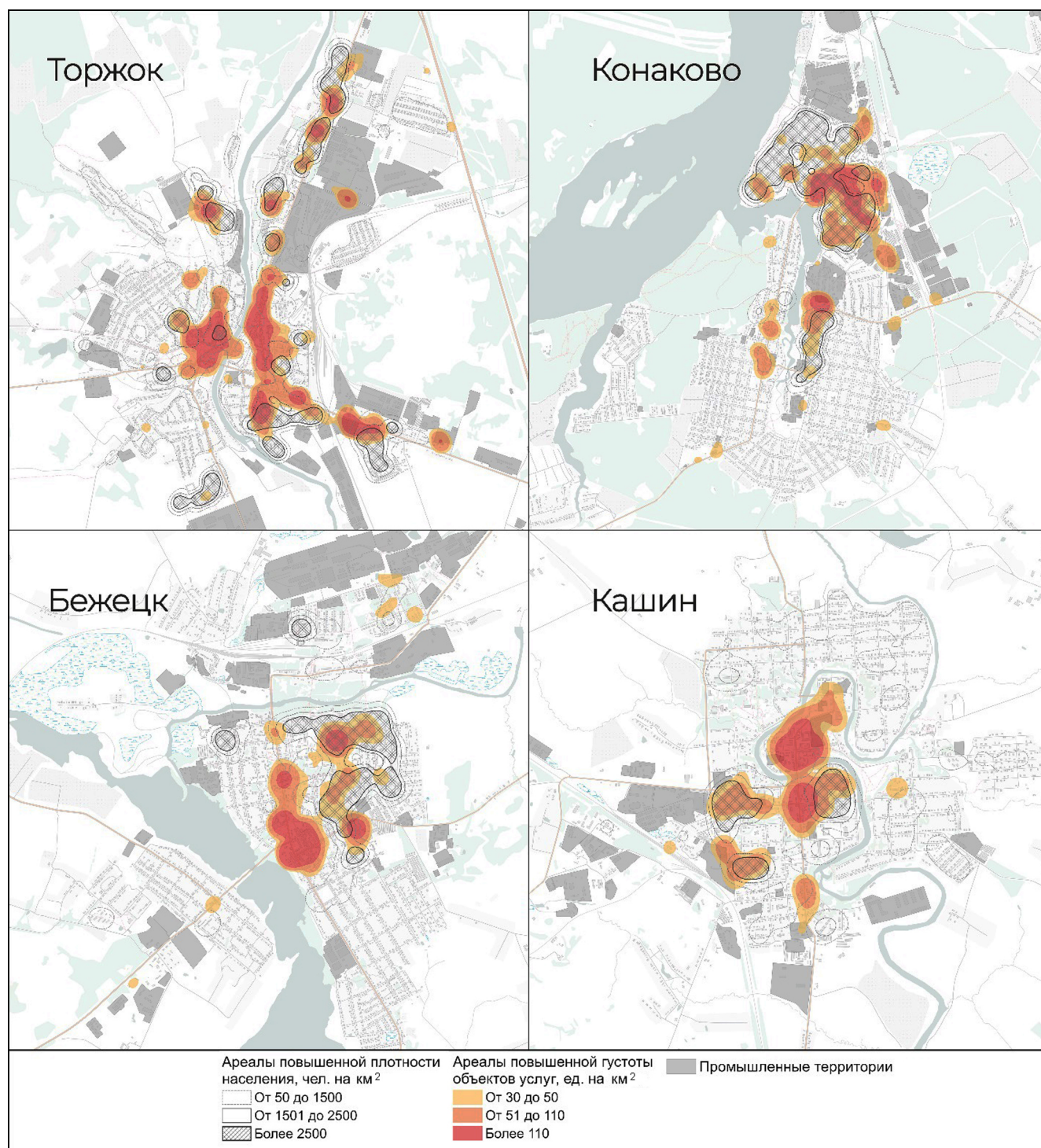

Рис. 3. Места притяжения населения

Fig. 3. Places of attraction for citizens

Например, в Бежецке основные перемещения жителей в пределах города осуществляются между «Микрорайоном» как местом проживания большей части населения, северной частью города как основным местом приложения труда и центральной частью как местом получения большей части услуг. Следствием такой обособленности является «рыхлость» городской ткани, запустение переходных

(буферных) зон, снижение связности городского пространства. Как молодой город Конаково характеризуется меньшим проявлением этого процесса, что связано с его комплексной застройкой в советское время. В малых городах, как правило, выделяется по одному (редко по два) пятну концентрации населения, сферы услуг, промышленных объектов, тогда как в более крупных городах количество та-

ких ареалов может измеряться десятками. Это обстоятельство в пространственном развитии малых городов определяет ключевую роль усиления связанности ареалов концентрации населения, услуг и наиболее крупных мест приложения труда.

Дифференциацию территорий по связности можно проследить на основе данных публичного сервиса Strava, фиксирующего интенсивность перемещений по информации с мобильных устройств (смартфонов, фитнес-браслетов). Основная закономерность географии потоков, исходя из предоставляемой сервисом информации, – их интенсификация в центральных частях городов и вдоль основных магистралей.

Наглядным индикатором деятельности горожан можно считать локализацию различного рода инициатив. В целом рост инициативности – муниципальной, предпринимательской, общественной – является ключевой чертой постсоциалистического города. Выраженные в пространстве инициативы свидетельствуют о стремлении разных заинтересованных сторон к преобразованиям городской среды. Убедительный пример – реализация проектов по Программе поддержки местных инициатив (ППМИ). Административные усилия по благоустройству концентрируются в основном в центральной части городов. Так, в Кашине в последние пять конкурсных циклов (2017–2021) собственные средства горожан, муниципалитета и региональной субсидии направлены на благоустройство набережной реки Кашинки. В Калязине объектом бюджетных вложений стал городской парк, в Бежецке – липовая аллея (ул. Л. Толстого). В Торжке, наоборот, проекты ППМИ – это, преимущественно, дворовые территории в разных частях города. Такое благоустройство – дело жителей, их объединений (товариществ собственников жилья), а также местных управляющих компаний.

Проявления предпринимательской активности в малых городах разнообразны: открытие новых объектов и увеличение разнообразия предоставляемых товаров и услуг, создание уникальных продуктов и введение инновационных форматов работы, участие в государственных программах и вовлечение в различные некоммерческие проекты. К инициативам бизнеса можно также отнести разномасштабные примеры изменения городской среды – от обновления фасадов до комплексного реновирования городских районов [Гулько и др., 2019]. В рассматриваемых тверских городах кейсы обновления пространства носят преимущественно точечный характер со специализацией на рекреационной и сервисной функциях. Ресторанно-гостиничные комплексы «Воздвиженский» в Бежец-

ке и «Усадьба» в Калязине, кофейня «Ангелов», рестораны «Лири» и «Оникс» в Торжке – далеко не единственные примеры трансформации не только отдельных городских зданий, но и окружающих территорий.

3. Ментальный уровень

До массового распространения Интернета следовало бы оговориться, что ментальный уровень СГП – единственный, требующий непосредственного выхода «в поле» и обязательного применения социологических методов исследования (в первую очередь – опросов населения). Однако теперь, благодаря виртуальным социальным сетям и возможностям коммуникации при помощи разных онлайн-инструментов, дистанционное изучение восприятия города его жителями выглядит вполне реалистичным.

Тем не менее в данном исследовании сюжет о ментальном уровне СГП построен не столько на работе с интернет-ресурсами, сколько на полевых методах. В ходе опроса жителей Бежецка и серии экспертных интервью были выделены 14 крупных вернакулярных районов города [Лебедев, Смирнова, 2019]. Также были выявлены более мелкие районы второго порядка. Как и в исследовании по Тутаеву [Савоскул, Шайдуллин, 2021], факторами для более дробного деления некоторых районов Бежецка (в частности, «Микрорайона») стали повышенная плотность населения и разнообразие мест притяжения.

Результаты полевых исследований были дополнены анализом данных социальных сетей. В сообществах сети «ВКонтакте» – «Бежецк» и «Знакомства. Бежецк» – проведен подсчет наиболее часто употребляемых названий районов. В сообществе «Бежецк» наибольшее количество употреблений у района «Сельмаш» – около 420. Сообщения посвящены в основном пропаже домашних животных, но отдельно надо отметить большое количество постов о спортивных и культурных мероприятиях, что можно связать с активностью местного сообщества. В сообществе «Знакомства. Бежецк» лидерами по числу упоминаний стали районы «Сельмаш» и «Песочная яма», что свидетельствует о популярности этих мест у молодежи, составляющей основную аудиторию этого сообщества (рис. 4).

Постсоветская трансформация ментального пространства проявляется в возникновении новых вернакулярных районов, связанных с изменениями городской среды и, как следствие, с иными практиками ее использования. В Бежецке новыми якорными точками в ментальном пространстве горожан, особенно среди молодежи, стали торговые центры «БУМ» и «Звезда», обладающие высокой силой притяжения.

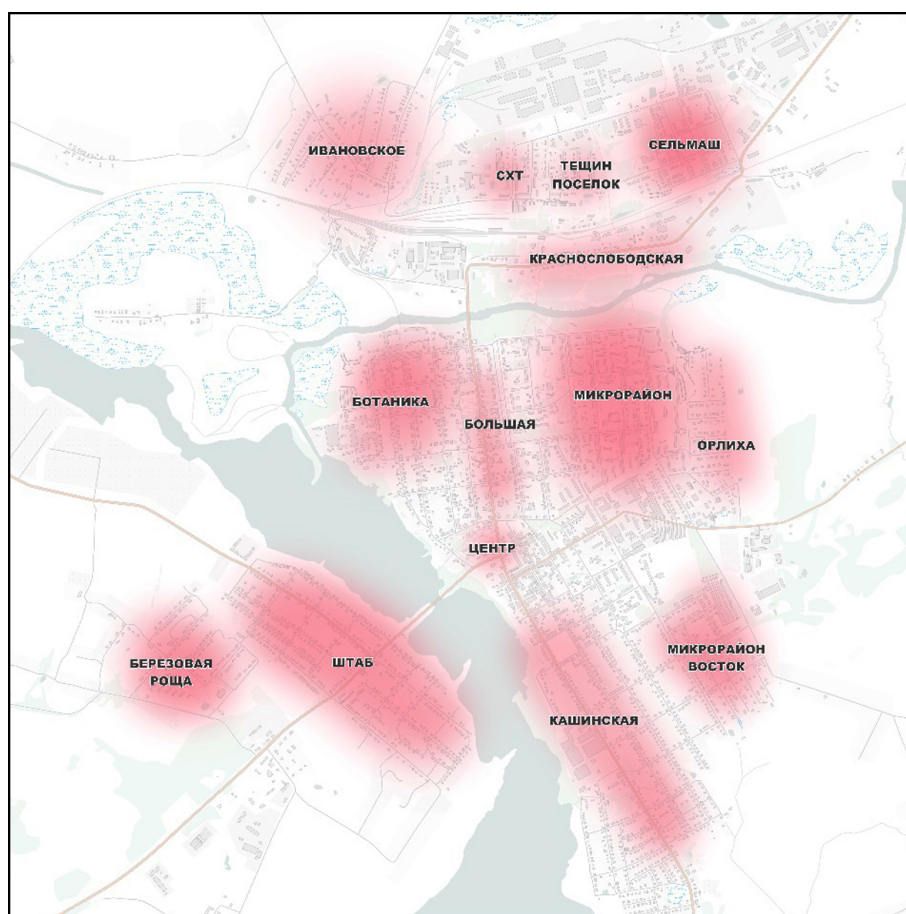

Рис. 4. Основные вернакулярные районы г. Бежецка

Fig. 4. The main vernacular districts of the town of Bezhetsk

Анкета, составленная на основе рекомендаций С.Г. Павлюка [2015], включала вопросы не только о составе районов и границах, но и об оценке их престижности. Результаты оказались довольно предсказуемыми – к наиболее престижным отнесены территории новой застройки и центральная часть города, к наименее – старые районы с частной деревянной застройкой и промышленные кварталы. И хотя этот вопрос отдельно не рассматривался, можно предположить, что здесь тоже произошли изменения за постсоветский период. Так, район «Сельмаш», возникший в 1940-е гг. вокруг завода по выпуску машин по уборке льна, обладал всей необходимой инфраструктурой. Вслед за сокращением производства закрывались объекты обслуживания, ветшал жилой фонд. Перспективный в советское время район стал наименее притягательным в глазах горожан. В то же время в силу своей удаленности, обособленности, истории возникновения, а также с учетом сохранившихся объектов притяжения населения (футбольное поле, Дом культуры, парк Машиностроителей) «Сельмаш» – один из самых узнаваемых районов Бежецка. Результаты исследования территориаль-

ной идентичности населения Бежецка [Лебедев, Смирнова, 2019] показали, что этот район обладает наиболее выраженными признаками самодостаточности и, как следствие, высоким потенциалом формирования сплоченной территориальной общности.

Рассмотрение трех уровней позволило составить матрицу основных изменений современного СГП малого города (табл.). Использована модель «трех мест» [Ольденбург, 2014]: в качестве «первого места» выступает дом (жилая зона), «второго» – работа (места приложения труда, здесь – промышленные предприятия), «третьего» – места коммуникации (объекты социальной инфраструктуры, включая общественные пространства).

Пространственные трансформации малого города не исчерпываются приведенным перечнем. Например, не отражено запустение периферийных жилых кварталов и сжатие городской застройки, характерное для городов ресурсных регионов [Gunko et al., 2021]. В малых городах Центральной России схожих проявлений пока не наблюдается [Ефремова, 2014], что еще раз говорит о роли региональной специфики при изучении малых городов.

Ключевые черты современного СГП малого города

Уровень СГП	Жилье (первое место)	Места приложения труда (второе место)	Социальная инфраструктура (третье место)
Структурный	Концентрация населения в районах позднесоветской многоквартирной застройки	Забрасывание / перепрофилирование промышленных площадок	Трансформация центров исторических городов в виде смены функций с жилой на сервисную
	Отсутствие нового коммерческого жилого многоквартирного строительства	Размещение новых промышленных предприятий сохраняет приверженность советской структуре	Концентрация (кластеризация) объектов рыночных услуг в центре и вдоль главных магистралей
	Социальное назначение нового многоквартирного жилья		Ликвидация части объектов социальной инфраструктуры, предоставляющих бюджетные услуги
	Пригородное разрастание за счет улучшенного индивидуального строительства, его фрагментарность		Рассредоточенность и низкая плотность открытых общественных пространств, отсутствие связанности между ними Потеря открытых общественных пространств за счет приватизации и/или забрасывания
Деятельностный	Рассогласованность основных мест концентрации населения (жилых кварталов, рабочих мест, объектов социальной инфраструктуры)		
	Запустение переходных зон (между основными ядрами жизнедеятельности)		
	Интенсификация потоков в центральной части городов и вдоль основных транспортных магистралей		
	Приуроченность инициатив населения по преобразованию городской среды к жилым массивам		Приуроченность инициатив власти и бизнеса по преобразованию городской среды к общественным центрам
Ментальный	Укорененность представлений о ментальном пространстве города, сложившихся в советское время		
	Появление новых ментальных районов за счет изменений в городской среде (редевелопмента промышленных предприятий, создания новых объектов сферы услуг и др.)		
	Непривлекательность районов комплексной советской застройки, приуроченной к промышленным предприятиям, в то же время усиление их самоидентификации		—

ВЫВОДЫ

Концепция социально-географического пространства позволяет охватить единым взглядом разнородную территорию города. Выделяются три основных уровня рассмотрения социально-географического пространства: структурный, деятельностный и ментальный. Совместное использование трех этих уровней дает разностороннее представление о городском пространстве. Набор рассматриваемых сюжетов и глубина их проработки зависят от конкретных исследовательских задач.

Проведенное на примере малых городов Тверской области исследование трех уровней социально-географического пространства позволило установить его неоднородность. На структурном уровне наблюдаются следующие процессы: концентрация населения в районах позднесоветской

многоквартирной застройки, забрасывание промышленных площадок и кластеризация объектов обслуживания в местах с наилучшей транспортной доступностью.

На деятельностном уровне для малых городов характерна более заметная, чем в крупных городах, рассогласованность мест концентрации жизнедеятельности (жилых зон, промышленных площадок, общественных центров). Особенно ярко эта черта проявляется в исторических городах.

Изучение восприятия жителями городского пространства (ментальный уровень) показало укорененность сформировавшихся еще в советское время представлений о территории. Наряду с этим отмечено появление новых ментальных районов как ответ на изменение физического пространства города.

Продуктивным оказалось совместное рассмо-

трение концепций социально-географического пространства и «трех мест» Р. Ольденбурга, что позволило составить матрицу городских изменений и выделить основные процессы, происходящие в пространстве малых городов.

Все описанные выше черты социально-географического пространства характерны для большинства малых городов, но их интенсивность во многом зависит от размера города, исторических особенностей его развития и современных функций.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых кандидатов наук № МК-5512.2021.1.5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов К., Браде И., Бондарчук Е. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград – Санкт-Петербург. 1989–2002. СПб., 2006. 284 с.
- Аксенов К.Э., Зиновьев А.С., Морачевская К.А. Роль ритейла в трансформации микрорайонного принципа организации городской среды // Известия РАН. Сер. географическая. 2019. № 3. С. 13–27.
- Вендина О.И. Москва: от социальной сегрегации к формированию закрытых жилых зон // Известия РАН. Сер. географическая. 2004. № 6. С. 80–90.
- Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Сер. географическая. 2019. № 6. С. 115–122.
- Гельфонд А.Л., Лисицына А.В. Торговая улица малого города как общественное пространство (на примере Нижегородской области) // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 1. С. 17–27.
- Горлов В.Н. Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953–1991 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 48 с.
- Гулько М.С., Пивовар Г.А., Аверкиева К.В. Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы, Ростова) // Известия РАН. Сер. географическая. 2019. № 5. С. 18–31.
- Ефремова В.А. Проявления «сжатия» во внутренней территориальной структуре малых и средних городов Ивановской области // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время: сб. ст. / отв. ред. Н.И. Быков. Т. 1. 2014. С. 152–161.
- Кривова Д.А. Значение социальной инфраструктуры для социально-экономического развития малых городов // Социум и власть. 2013. № 2. С. 26–32.
- Лебедев П.С., Смирнова А.А. Территориальная идентичность малого города: опыт количественной оценки (на примере г. Бежецка) // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. География и геоэкология. 2019. № 4. С. 18–29.
- Логачева Н.М. Развитие социальной инфраструктуры регионов РФ: теоретические, методологические, прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Челябинск, 2013. 45 с.
- Маркин В.В., Малышев М.Л., Землянский Д.Ю. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Ч. 1 // Мониторинг правоприменения. 2019. Т. 4. № 33. С. 46–55.
- Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2012. № 2. С. 26–31.
- Медведева Н.В., Слемзина А.Н. Типичные проблемы развития социальной инфраструктуры малого города в современных российских условиях // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 3. С. 103–111.
- Мосиенко Н.Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 164 с.
- Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
- Павлюк С.Г. Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США) // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 26–36.
- Парк Р.Э. Избранные очерки: сб. переводов / пер. В.Г. Николаева. М.: ИНИОН РАН, 2011. 321 с.
- Перькова М.В., Борзых Е.А. Оценка взаимосвязи социальных и пространственных факторов в планировке г. Строитель // Вестн. БГТУ им. В.Г. Шухова. 2015. № 6. С. 134–138.
- Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 523 с.
- Савина О.В. Социально-экономические аспекты формирования застройки малых и средних городов Волгоградской области // Научный вестник ВАГС. Сер. Экономика. 2014. № 1. С. 25–27.
- Савоскул М.С., Шайдуллин Ф.Р. Что может рассказать о жителях вернакулярное районирование (на примере города Тутаев Ярославской области) // Геурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования: сб. ст. / отв. ред. А.Г. Махрова. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2021. С. 254–269.
- Смирнов И.П. Оценка обеспеченности населения города Торжка основными видами услуг // Вестн. Тверского гос. ун-та. Сер. География и геоэкология. 2013. № 8. С. 91–98.
- Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 1999. 735 с.
- Ткаченко А.А. Социально-географическое пространство крупного города: концептуальные основы исследования // Городское пространство: социально-географические подходы: сб. науч. тр. / Научная серия «География и региональное развитие». Вып. 2. Тверь, 2002. С. 3–16.
- Ткаченко А.А., Фомкина А.А. География сферы обслуживания и география сектора услуг: пройденный путь,

- состояние, перспективы // Региональные исследования. 2016. № 3. С. 5–13.
- Bell D., Jayne M. Small cities? Towards a research agenda, *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, vol. 33.3, p. 683–699.
- Bertaud A., Renaud B. Socialist Cities without Land Markets, *Journal of Urban Economics*, 1997, no. 41, p. 137–151.
- Capone D.L., Nichols Jr.W.W. Urban Structure and Criminal Mobility, *American Behavioral Scientist*, 1976, vol. 20, p. 199–213.
- Golubchikov O., Makhrova A., Badyina A., Brade I. Uneven urban resilience: the economic adjustment and polarization of Russia's cities, *Understanding geographies of polarization and peripheralization: perspectives from central and Eastern Europe and beyond*, T. Lang, S. Henn, W. Sgibnev et al. (eds.), Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2015, p. 270–284.
- Gunko M., Batunova E., Medvedev A. Rethinking urban form in a shrinking Arctic city, *Espace-Populations-Societes*, 2021, no. 2020/3-2021/1.
- Hirt S., Stanilov K. *Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989–2009*, UnHabitat, Nairobi, 2009, 146 p.
- Klinenberg E. Palaces for the people: How social infrastructure can help fight inequality, polarization, and the decline of civic life, London, Penguin, 2018, 293 p.
- Krier R. *Urban Space*, London, Academy Editions, 1979, 175 p.
- Lan F., Gong X., Da H., Wen H. How do population inflow and social infrastructure affect urban vitality? Evidence from 35 large- and medium-sized cities in China, *Cities*, 2020, vol. 100, 102454, DOI: 10.1016/j.cities.2019.102454.
- Latham A., Layton J. Social infrastructure and the public life of cities: Studying urban sociality and public spaces, *Geography Compass*, 2019, vol. 13, iss. 7, p. 1–15.
- Park R.E. The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment, *American Journal of sociology*, Chicago, 1915, vol. 20, no. 5, p. 577–612.
- The Post-socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*, K. Stanilov (ed.), Dordrecht, Springer, 2007, 490 p.
- Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions, and Policy*, S. Tsenkova, Z. Nedovic-Budic (eds.), Heidelberg, Physica-Verlag, 2006, 390 p.

Поступила в редакцию 25.08.2021

После доработки 15.09.2021

Принята к публикации 27.09.2021

SOCIO-GEOGRAPHICAL SPACE OF SMALL TOWNS IN THE TVER REGION

P.S. Lebedev¹, I.P. Smirnov², A.A. Smirnova³, A.A. Tkachenko⁴

^{1–4} Tver State University, Faculty of Geography and Geoecology,
Department of Socio-Economic Geography and Territorial Planning

¹ Postgraduate Student; e-mail: lebedev.ps@tversu.ru

² Associate Professor, Ph.D. in Geography; e-mail: smirnov.ip@tversu.ru

³ Associate Professor, Ph.D. in Geography; e-mail: fomkina.aa@tversu.ru

⁴ Professor, D.Sc. in Geography; e-mail: tkachenko.aa@tversu.ru

The article deals with the study of the small cities space. Despite the increased popularity of the topic of small cities, Russian authors pay little attention to spatial changes within settlements of this category. An attempt to capture the post-Soviet transformation of urban space gives special relevance to the study. The socio-geographical space (SGS) is a specific section of the real 3D geographical space including the territory of a city, objects of the urban environment and the system of socio-spatial relations of residents realized in this environment. The SGS of several cities of the Tver region is described. Because of the lack of many necessary data, the authors focused mainly on the materials of their own field studies and the opinion of citizens. The analysis was carried out at three levels, i.e. structural, activity and mental. At the structural level, primary focus is on the relative positions of places of residence, places of work and places of receiving services. At the activity level, intra-city flows are considered. Higher spatial inconsistency of the centers of attraction (residential zones, industrial areas and public facilities) was found for small cities as compared to large ones. The trend is the most obvious in historic towns. At the mental level, the ideas of local residents about the division of urban territory into districts, their opinions about the properties of these districts and manifestations of local identity were studied. The changes during the post-Soviet period are revealed. In the final part of the article, we attempt to combine the concept of socio-geographical space and the idea of a third place to determine key features of the territorial organization of a modern small Russian city.

Keywords: urban space, social infrastructure, public spaces, “third place”

Acknowledgements. The study was financially supported by the grant of the President of the Russian Federation for young scientists – Ph.Ds. (no. MK-5512.2021.1.5).

REFERENCES

- Aksenov K., Brade I., Bondarchuk E. *Transformacionnoe i posttransformacionnoe gorodskoe prostranstvo. Leningrad – Sankt-Peterburg. 1989–2002* [Transformational and post-transformational urban space. Leningrad – Saint Petersburg. 1989–2002], St. Petersburg, 2006, 284 p. (In Russian)
- Aksenov K.Je., Zinov'ev A.S., Morachevskaja K.A. Rol' ritejla v transformacii mikrorajonnogo principa organizacii gorodskoj sredy [The role of retail in the transformation of the microdistrict organization of the urban environment], *Izvestija Rossijskoj Akademii Nauk, Ser. Geograficheskaja*, 2019, vol. 3, p. 13–27. (In Russian)
- Bell D., Jayne M. Small cities? Towards a research agenda, *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, vol. 33.3, p. 683–699.
- Bertaud A., Renaud B. Socialist Cities without Land Markets, *Journal of Urban Economics*, 1997, no. 41, p. 137–151.
- Capone D.L., Nichols Jr.W.W. Urban Structure and Criminal Mobility, *American Behavioral Scientist*, 1976, vol. 20, p. 199–213.
- Efremova V.A. [Features of “compression” in the internal territorial structure of small and medium-sized cities of the Ivanovo region], *Transformacija social'no-jekonomicheskogo prostranstva Evrazii v postsovetskoe vremja* [Transformation of socio-economic space of Eurasia in the post-Soviet times], Digest of articles, N.I. Bykov (ed.), 2014, vol. 1, p. 152–161. (In Russian)
- Gel'fond A.L., Lisicyna A.V. Torgovaja ulica malogo goroda kak obshhestvennoe prostranstvo (na primere Nizhegorodskoj oblasti) [Shopping Street of a small town as a public space (case study of the Nizhny Novgorod region)], *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo*, 2018, no. 1, p. 17–27. (In Russian)
- Golubchikov O., Makhrova A., Badyina A., Brade I. Uneven urban resilience: the economic adjustment and polarization of Russia's cities, *Understanding geographies of polarization and peripheralization: perspectives from Central and Eastern Europe and beyond*. T. Lang, S. Henn, W. Sgibnev et al. (eds.), Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2015, p. 270–284.
- Gorlov V.N. *Zhilishchnoe stroitel'stvo v Moskve kak sociokul'turnaja problema (1953–1991 gg.)* [Housing in Moscow as a socio-cultural problem (1953–1991)], Extended Abstract of D.Sc. Thesis in History, Moscow, 2005, 48 p. (In Russian)
- Gun'ko M.S., Pivovarov G.A., Averkieva K.V. Revitalizacija v malyh gorodah Evropejskoj Rossii (na primere Borovichej, Vyksy, Rostova) [Renewal of Small Cities in European Russia (Case Study of Borovichi, Vyksa and Rostov)], *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk, Ser. Geograficheskaja*, 2019, no. 5, p. 18–31. (In Russian)
- Gunko M., Batunova E., Medvedev A. Rethinking urban form in a shrinking Arctic city, *Espace-Populations-Societes*, 2021, no. 2020/3–2021/1.
- Hirt S., Stanilov K. *Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989–2009*, UnHabitat, Nairobi, 2009, 146 p.
- Klinenberg E. *Palaces for the people: How social infrastructure can help fight inequality, polarization, and the decline of civic life*, 2018, London, Penguin, 293 p.
- Krier R. *Urban Space*, London, Academy Editions, 1979, 175 p.
- Krivova D.A. Znachenie social'noj infrastruktury dlja social'no-jekonomicheskogo razvitiya malyh gorodov [The importance of social infrastructure for the socio-economic development of small towns], *Socium i vlast'*, 2013, no. 2, p. 26–32. (In Russian)
- Lan F., Gong X., Da H., Wen H. How do population inflow and social infrastructure affect urban vitality? Evidence from 35 large- and medium-sized cities in China, *Cities*, 2020, vol. 100, 102454, DOI: 10.1016/j.cities.2019.102454.
- Latham A., Layton J. Social infrastructure and the public life of cities: Studying urban sociality and public spaces, *Geography Compass*, 2019, vol. 13, iss. 7, p. 1 – 15.
- Lebedev P.S., Smirnova A.A. Territorial'naja identichnost' malogo goroda: opyt kolichestvennoj ocenki (na primere g. Bezhecka) [Territorial identity of a small town: an experience of quantitative assessment (case study of the city of Bezhechsk)], *Vestn. Tver. gos. un-ta, Ser. Geografija i geoekologija*, 2019, no. 4, p. 18–29. (In Russian)
- Logacheva N.M. *Razvitie social'noj infrastruktury regionov RF: teoreticheskie, metodologicheskie, prikladnye aspekty* [Development of social infrastructure in the regions of the Russian Federation: theoretical, methodological and applied aspects], Extended Abstract of D.Sc. Thesis in Economy, Chelyabinsk, 2013, 45 p. (In Russian)
- Mahrova A.G., Golubchikov O.Ju. Rossijskij gorod v usloviyah kapitalizma: social'naja transformacija vnutrigorodskogo prostranstva [Russian city under capitalism: social transformation of intracity space], *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geografija*, 2012, no. 2, p. 26–31. (In Russian)
- Markin V.V., Malyshev M.L., Zemljanskij D.Ju. Malye goroda Rossii: kompleksnyj monitoring razvitiya, ch. 1 [Small towns of Russia: comprehensive monitoring of development, p. 1], *Monitoring pravoprimenenija*, 2019, vol. 4, no. 33, p. 46–55. (In Russian)
- Medvedeva N.V., Slemzina A.N. Tipichnye problemy razvitiya social'noj infrastruktury malogo goroda v sovremennyh rossijskikh usloviyah [Typical problems of the development of social infrastructure of a small town under modern Russian conditions], *Social'naja politika i sociologija*, 2020, vol. 19, no. 3, p. 103–111. (In Russian)
- Mosienko N.L. *Social'no-territorial'naja struktura prostranstva gorodskoj aglomeracii* [Socio-territorial structure of urban agglomeration space], Novosibirsk, IJeOPP SO RAN Publ., 2010, 164 p. (In Russian)
- Oldenburg R. *The Great Good Place. Cafes, coffee shops, bookstores, bars, hair salons and other hangouts at the heart of a community*, Da Capo Press, 1999.
- Park R.E. The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment, *American Journal of Sociology*, Chicago, 1915, vol. 20, no. 5, p. 577–612.
- Park R.E. *Izbrannye ocherki: sbornik perevodov* [Selected Essays: Collection of Translations], V.G. Nikolaev (tr.), Moscow, INION RAN Publ., 2011, 321 p.
- Pavljuk S.G. Metodika differenciacii gorodskogo prostranstva (na primerah gorodov Rossii, Zapadnoj Evropy i SSHA) [Method of the urban space differentiation (based on the examples of Russia, Western Europe and the US)], *Regional'nye issledovanija*, 2015, no. 2, p. 26–36. (In Russian)

- Per'kova M.V., Borzyh E.A. Ocenka vzaimosvjazi social'nyh i prostranstvennyh faktorov v planirovke g. Stroitel' [Assessment of the relationship of social and spatial factors in the planning of the town of Stroitel'], *Vestn. BGTU im. V.G. Shuhova*, 2015, no. 6, p. 134–138. (In Russian)
- Prostranstvennoe razvitie mal'nyh gorodov: social'nye strategii i praktiki* [Spatial development of small towns: social strategies and practices], M.F. Chernysh, V.V. Markin (eds.), Moscow, FNIS RAN Publ., 2020, 523 p. (In Russian)
- Savina O.V. Social'no-jekonomicheskie aspekty formirovaniya zastrojki mal'nyh i srednih gorodov Volgogradskoj oblasti [Socio-economic aspects of the formation of the housing system in small and medium-size cities of the Volgograd region], *Nauchnyj vestn. VAGS, Ser. Ekonomika*, 2014, no. 1, p. 25–27. (In Russian)
- Savoskul M.S., Shajdullin F.R. What can vernacular zoning tell about residents (case study of the city of Tutaev, Yaroslavl region), *Geourbanistika i gradostroitel'stvo: teoreticheskie i prikladnye issledovanija* [Geourban Studies and Urban Planning: Theoretical and Applied Research], A.G. Mahrova (ed.), Moscow, MSU, Faculty of Geography Publ., 2021, p. 254–269. (In Russian)
- Smirnov I.P. Ocenka obespechennosti naselenija goroda Torzhka osnovnymi vidami uslug [Assessment of the provision of the population of the city of Torzhok with basic types of services], *Vestn. Tvers. gos. un-ta, Ser. Geografija i geojekologija*, 2013, no. 8, p. 91–98. (In Russian)
- Social'naja traektorija reformiruemoj Rossii: Issledovanija Novosibirskoj ekonomiko-sociologicheskoi shkoly* [The Social Trajectory of Reformed Russia: Research of the Novosibirsk School of Economics and Sociology], Novosibirsk, Nauka Publ., 1999, 735 p. (In Russian)
- The Post-socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*, K. Stanilov (ed.), Dordrecht, Springer, 2007, 490 p.
- Tkachenko A.A. [Socio-geographical space of a large city: conceptual foundations of the study] *Gorodskoe prostranstvo: social'no-geograficheskie podhody: sbornik nauchnyh trudov Nauchnaja serija "Geografija i regional'noe razvitie"* [Urban Space: Socio-Geographical Approaches: Collection of Scientific Papers, Scientific Series "Geography and Regional Development"], vol. 2, Tver', 2002, p. 3–16. (In Russian)
- Tkachenko A.A., Fomkina A.A. Geografija sfery obsluzhivaniya i geografija sektora uslug: projdennyj put', sostojanie, perspektivy [The geography of the service sector: the passed way, the current situation and prospects], *Regional'nye issledovanija*, 2016, no. 3, p. 5–13. (In Russian)
- Urban Mosaic of Post-Socialist Europe: Space, Institutions, and Policy*, S. Tsenkova, Z. Nedovic-Budic (eds.), Heidelberg, Physica-Verlag, 2006, 390 p.
- Vendina O.I. Moskva: ot social'noj segregacii k formirovaniju zakrytyh zhilyh zon [Moscow: from social segregation to the formation of closed residential areas], *Izvestiya RAS, Ser. Geograficheskaya*, 2004, no. 6, p. 80–90. (In Russian)
- Vendina O.I., Panin A.N., Tikunov V.S. Social'noe prostranstvo Moskvy: osobennosti i struktura [Social Space of Moscow: Peculiarities and Patterns], *Izvestiya RAS, Ser. Geograficheskaya*, 2019, no. 6, p. 115–122. (In Russian)

Received 25.08.2020

Revised 15.09.2021

Accepted 27.09.2021